

18+

Максим Слепнев

*Живой
Мертвец.
Книга первая*

Максим Слепнев
Живой Мертвец. Книга первая.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71758045

ISBN 9785006564879

Аннотация

Эта книга для ушей и глаз людей очень важных. Книга сама выберет этих людей. Важные люди эти, станут другими после прочтения книги. Они станут не просто важными, они станут необходимыми.

Живой Мертвец. Книга первая.

Максим Слепнев

© Максим Слепнев, 2025

ISBN 978-5-0065-6487-9 (т. 1)

ISBN 978-5-0065-6488-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Лиза Мышкина, представляет...»

«Живой мертвец». Книга первая.

Голова нулевая. Круглая и пустая.

Часто людям приходится делать то плохое, чего они делать не желают. Еще чаще, люди желают то хорошее, чего они получить не могут. Не желают грешить, но грешат; не желают болеть, но болеют; желают быть бессмертными, но не могут; желают быть хорошими для всех, а становятся плохими. Все потому, что люди не знают, что такое хорошо, а что такое плохо. Потому как то, что хорошо для одного, обыкновенно плохо для другого. Зато, люди почти с самого летоисчисления своего знают, что такое деньги. Деньги – это то, что одинаково хорошо для всех. Люди точно знают, что

наличие финансов – это наличие возможностей иметь желаемое и, конечно, непременно только хорошее. Люди вдруг забыли, что людское желаемое – это куда проще, чем желаемое, навязанное им не понятно для чего и кем. Ведь если человек истинно желает быть здоровым – он непременно будет им. Человек будет потреблять здоровую пищу для насыщения организма всем тем, что необходимо ему для здоровья, не перенасыщая свою кишку лишним употреблением, сдерживая в себе попытки этого зловредного перенасыщения. Человек будет много двигаться – ходить, посредством движения ног; работать, посредством движения рук; плавать в воде, подобно рыбе; петь и танцевать, подобно талантливому артисту. От всего этого, его голову будут посещать здоровые мысли – радостные, добрые. Этому человеку будет совсем неважно наличие дорогого гарнитура под крышей его дома, потому что он будет знать о том, что дорого – это не всегда хорошо ему, потому что, как хорошо ему знает только он сам, и он вполне способен сделать так, как ему хорошо и удобно. А если сам он не умеет сделать так, как удобно и хорошо для себя важного, он попросит кого-то помочь ему в этом деле. Кого? Да известно кого. Того, кто умеет это делать. Того, кто умеет угодить ему, другому. Конечно, человек достойно наградит мастера, за такую сложную работу. А еще, человеку вполне достаточно необходимого по погоде одеяния для своего тела. Тело обязательно нужно прикрывать от холода и жары, вообще тело нужно прикры-

вать. Без прикрытого тела очень неудобно, по себе помню. Но вряд ли умному человеку придет в голову мысль о том, что его теплое и уютное пальто, которое так хорошо согревает его на улице, не приносит ему радости из-за того, что цвет этого пальто вышел из моды. Человек понимает, что пальто, должно приносить тепло телу. В этом пальто, должно быть очень привычно, а значит удобно двигаться. Например, ходить – посредством ног, работать – посредством рук, танцевать, петь, плавать. – Нет, нет – это лучше делать без пальто. В общем, получается, на этом функции пальто заканчиваются. Зачем придумывать какие-то другие функции для такой простой вещи, как пальто? Какая разница, какими буквами и цифрами обозначена информация о его производителе? Ведь на качество пальто это никак не влияет. Статус должен все-таки присутствовать в человеке, который носит это или другое, да любое пальто, в человеке, но не в пальто. Конечно, найдутся те, кто непременно скажет человеку о том, что его пальто не модно. Что значит не модно? Для кого не модно? Кто такая вообще эта мода, которая диктует правила носки вещей? Почему я – человек, должен подчиняться какой-то там моде? Вы в своем уме? Вы хорошо себя чувствуете? Быть может, вы не совсем здоровы? Конечно, найдутся те, кто очень занимательно расскажет человеку о моде. Например, так: «Мода – это некий невидимый социальный объект, который диктует человеку популярные ценности, вкусы, привычки, идеи, развлечения, в общем, все то, что касательно об-

щества в определенном мировом летоисчислении». Умный человек, поразмыслив некоторое время, не воспримет эту информацию никак. Потому, как некий невидимый социальный объект, пропагандирующий свою идеологию, меняющуюся со скоростью изменения местоположения стрелок на часах, не может восприниматься всерьез человеком умным. Ну, о каком непостоянном правиле, можно утверждать, что оно является лидирующим влиянием на общество? Другое дело, что некие аспекты влияния на общество, по праву стали лидирующими, потому как, они постоянны в своем принятии обществом. Например, опрятность и ухоженность, порядок и чистота, правила уважения друг к другу, уважение чужого труда, качество и значение вещей, никого не оскорбляющая, внешняя индивидуальность и дружелюбность. Вот то, что должно быть модным. Вот таким модным я хотел бы быть, вот к такой моде направлена моя жизнь в обществе. Таким должно быть, в том числе и мое пальто, таким оно и является. Пальто мне служит своим назначением зимней верхней одежды. Эта одежда прекрасно выполняет свою функцию защиты моего тела от ветра и мороза. Это пальто по сей день остается чистым и опрятным, потому что я аккуратно ношу его на себе, ведь я ценю свой труд – а мне пришлось потрудиться, чтоб приобрести его, а также, труд тех людей, которые потрудились сшить его для меня. Когда меня не станет, мне хотелось бы верить в то, что мое пальто, придется кому-то по размеру. Его почистят от запаха моего любимого

одеколону (вдруг он кому-то придется не по вкусу) и продадут, под знаком «б/у». Конечно, значительно дешевле, чем он достался мне. Сам я не умел сшить такого пальто, а если бы умел, то сшил бы для себя именно такое – удобное, теплое и модное для меня, не оскорбляющего своим видом, не чьи взгляды.

– Ну, уж нет, – скажет кто-то, – я не хотел бы быть таким простым человеком, т.е. просто собой обыкновенным. Я хотел бы быть министром. А потому, я ношу пальто, похожее на то, которое носит министр.

– Да ведь ты не министр – отвечу я, – и ты не знаешь, из каких соображений министр носит такое пальто.

– Ну и что такого? – ответит мне человек маскировщик, – я не министр, но когда меня видят другие люди в этом пальто, они думают, что я министр и мне это очень приятно.

– Да ведь это обман! Ты обманщик. Зачем обманывать так других людей, а главное, зачем так обманывать себя? – скажу я.

– Да все потому, – ответит мне этот чудный человек, – что министром мне не стать, потому как я недостаточно умен, я ленив и в принципе бесполезен, но создавать впечатление министра, мне хорошо удается.

– Так вот оно что? – отвечу я, – Ты готов забыть начисто свою индивидуальность, свою культуру, свой характер и жить тенью другого человека?

– Да, – ответят мне, – а почему нет, для кого-то я являюсь

почти настоящим министром. Просто на его вкус, этого самого министра, я полагаюсь больше, чем на свой вкус. Хотя, вполне допускаю мысли о том, что мне может больше понравиться и чей-то другой вкус, может вкус знаменитого актера, играющего роль бандита в известном кино. А может стать так, что мне по вкусу придется и сам бандит, в этом кино, его поведение. Разве в этом есть что-то плохое?

– Ну, наверное, в этом есть плохое, – скажу я, – ведь он бандит, как же ты будешь копировать его поведение? Бандитом, тебя это, конечно, не сделает. Впрочем также, как пальто не способно сделать из тебя министра. Но ты можешь оказаться в числе тех людей, которых в обществе не уважают и не любят.

– Что значит, не любят? – ответит мне чудо человек, – Еще как любят! Знаешь, сколько у этого бандита поклонников? Знаешь, как его любят женщины? А знаешь, как дети хотят быть на него похожими? А все потому, что он идеальный бандит, а главное – модный! Он – идол моды, он кумир! И многие готовы платить огромные деньги за общую фотографию с ним или хотя бы за футболку, на которой наклеена его фотография.

– Да уж, – отвечу я, – тогда лучше носи пальто, как у министра, это не так вредно для общества. Скорее, это вредно только для министра, который является эталоном моды, что делает этого министра каким-то не серьезным человеком, с вызывающим видом. Лучше, если бы все министры

были одеты не по моде, а по форме, как полицейские или врачи.

– А их тоже копируют – скажет мне модник, – И врачи, и полицейские вполне себе модными могут быть. Особенно когда они не в форме. Хотя, и по форме одетых людей, другие люди копируют. Хотя, честно сказать, эти профессии не такие уж модные в современном мире.

– Я вот только одного не пойму. Где ты взял столько денег, чтоб купить пальто, как у министра? – спрашиваю я кого-то очень модного, – Ведь министр то трудится день и ночь на благо общества, он полезен обществу и в награду получает такое хорошее пальто. А ты ленив, не так умен, бесполезен – как ты сам о себе заявляешь. Так откуда у тебя такое пальто?

А оно не такое, – отвечает мне человек. – Оно похожее, почти идентичное, просто материалы другие использованы. Оно из полиэстера. Ну, почти пластиковое. В этом пальто холодно и неприятно находится, как в пластиковой бутылке, ну зато вид имеется и стоит дешево.

Тогда я спрашиваю его, куда же он денет это пальто, когда оно не модным станет?

Выкину его на мусорку, – отвечает мне он, – а взамен куплю другое, еще моднее.

– А кто-нибудь копирует одежду уборщиков и мусорщиков? – спрашиваю я человека – театральную маску.

– Да нет, конечно, – говорит мне он, – это уж совсем глупо. Потому что мусорщиком и уборщиком в принципе быть

не модно. Зато копируют бездомных людей – они символизируют свободу от всего и всех. Этот стиль даже имеет свое название. Обычно одежда в этом стиле, выглядит грязной, вытянутой или изорванной. На ней разные аксессуары – пуговицы, порванные цепочки, какие-то накладные карманы, сумочки. В общем, все также как и у бездомных людей, только на стиле. Много одежды на них. Это называется многослойностью. Ведь бездомным холодно и они нацепляют на себя много разной, выкинутой на свалку, одежды, чтоб согреться. Да и хитрость, таким образом, прикрыта. А сейчас говорят, что и лишний вес и возраст даже можно скрыть такой одеждой. Потому что, по бездомным не поймешь – сколько им лет и толстые они или худые. А еще, они как сороки цепляют на себя всякие блестящие предметы, чтоб казаться богаче. Но при этом их сапоги могут вполне носиться без шнурков, ну или с расстегнутой молнией; а перчатки без пальцев. Я даже знаю, как такие перчатки в модном мире называются – митенки. А еще есть гловелетты. Вот, в общем, кто-то носит такие перчатки, чтоб пальцы оставались свободными для работы, а кто-то, как дополнение стиля.

– Ну что же с мусорщиками то? – спрашиваю я этого модного чудака, – Ведь они очень необходимы современному обществу. Это фактически главная профессия сейчас. Этот труд должен цениться и быть очень хорошо оплачиваем. Мне думается, что человек, который убирает мусор на планете, вполне может позволить носить себе пальто лучшее, даже

лучше, чем у самого министра. Не так ли? А еще, мне вот думается, разве обществу нужны выкинутые пальто, шапки, мебель, посуда, игрушки? Свалки разве еще не достаточно переполнены? Мир завален нужными вещами, оказавшимися не нужными людям. Мир переполнен вещами ненужными, в которых иногда нуждаются люди. Что с этими вещами делать? Их уже значительно больше, чем самих людей. И кажется, люди уже становятся не модными для планеты. Вы не боитесь, что планета выкинет вас в мусорку?

– Не боимся! – говорит этот модный, – Намусорим здесь, и переедем жить на другую планету.

– Ведь кроме людей на планете живет еще много кого, – продолжаю я модный разговор – А как же животные и растения, за что страдают они?

– Растения и животные глупые – отвечает модник, – и потому они не могут страдать. Они просто будут дальше в этом жить или погибнут. Какая им до нас, а уж тем более нам до них, разница?

А мне все думается, и я спрашиваю чудо человека о том, зачем он такой модный нужен планете и почему он думает о том, что он может делать с планетой то, что ему захочется?

– Планету придумали для человека – говорит он, – Зачем и кому она без человека то нужна?

– А кто придумал планету для человека? – спрашиваю его я.

– Бог. Я в него верю. Он крутой и простит нам эти шало-

сти – отвечает чудесник.

– А ты веришь в Бога, потому, что он лучший, или как ты говоришь, крутой? – спрашиваю я.

– Да, конечно, тем более, сейчас это очень модно. Я крест ношу на пол груди и татуировки на моем теле в этом стиле – отвечает модник.

– А ты его любишь? Ты любишь Бога? – спрашиваю его я.

– Как я могу любить того, кого я, ни разу не видел, – говорит человек, – я же не видел его. Но он видит меня, а значит, он меня любит, потому что, я хороший. Просто бедный.

Ко всему прочему, этот чудо мистический гений, добавляет цифровой расчет в деньгах, которые необходимы ему, для того, чтоб стать менее вредным для общества и планеты. Этот гений уверяет меня в том, что если бы он имел много денег, то он делал бы все правильно, хорошо, буквально жил по Божьему. И вот он все ждет, когда Бог пожелает сделать его – чудо человека, полезным и хорошим и помочь ему в получении манны небесной. Ведь он считает себя дитяtkой самого Бога. Да, друзья, он считает себя таковым. А потому он и еще множество таких же, как он, стремятся иметь много денег. И даже грех, не такой уж и грех, если он оправдан наличием больших денег. Ведь большие деньги не пахнут и грешными не бывают. Да и люди, при наличии большого количества денег, обладают теми же свойствами. Люди эти свеженькие, чистенькие, добренькие, хорошенькие, почти святенские. Ну, правда. Ведь так легко,

быть добрым и хорошим, когда финансы из всех карманов выпирают, ну, или хотя бы из одного, не худого кармана.

Сейчас я Поисковой движок, а когда-то давным-давно, так давно, что я уже и не помню когда, был я Записной Книжкой одного юноши, что стремился к святости, через наличие разума и познание истин бытия. Познавал он, да познавал. А я все жадно впитывал эти познания. И вот все он познал и стал почти святым. Почти, потому что, болел он одним грешным недугом, который не излечивался ничем и никак. А все знания и истины, которые он познавал, лишь усиливали этот недуг. И тогда решил юноша излечиться от недуга наличием больших финансовых средств, которые он вполне мог получить при его силе разума и духа. Конечно, деньги он получил, чистые деньги, хоть и не честно заработанные, такое тоже бывает. Большие деньги, просто огромные, на девять жизней бы хватило. Но и это не помогло ему вылечить его недуг, хотя лекарств и лекарей он имел множество.

Так и по сей день живет этот юноша, сейчас уже взрослый человек, с этим недугом. Все у него хорошо и добрые дела он делает неустанно, только вот себя он чувствует больным человеком с искалеченной судьбой. Нет, не так он себя чувствует. Живым мертвецом он себя чувствует, познавшим истину безответной любви, как самого сильного телесного недуга и душевного страдания.

Стоял этот живой мертвец, будучи молодым, у самого колодца этой любви, да так и ушел в мученьях жажды. Возле

колодца этого, он разговаривал со старцем. Старец, объяснял ему, в чем суть такой любви:

– Искренняя любовь – это поистине любовь, но не истина. Любовь к женщине – сказал ему старец, – это колодец с живой водой, но пить из него нельзя. Подобна морской воде для людей жаждущих, вода из колодца этого ядовита. Искупаться в ней также нельзя, потому как захлебнешься и утонешь. Унести эту воду с собой нельзя, потому что не донесешь, всю растеряешь. Даже и коснуться этой воды нельзя, потому как испачкаешь ее и станет она обычной водою, а может случиться, станет она водой грязной.

– А если, не зная этого всего, испить из колодца? – спросил юноша.

– Нельзя испить, не зная. Потому как без знаний, ты и колодца то этого не увидишь, ты и на пути своем его не встретишь – ответил старец.

– А тогда как же быть? – удивленно и недоверчиво, спросил юноша.

– А никак. Увидев его, бежать нужно подальше от этого горя. Но мало кому приходилось встречать такое счастье – говорил старец.

– Счастье? Вот уж не счастье, скорее несчастье! – утверждал юноша.

– Что ты! Да ведь этот колодец полон живой воды! Для мертвого...

Ничего не понял юноша из того, что поведал ему старец,

но воды не коснулся. Ушел он от колодца живым мертвецом, в надежде вскоре стать мертвым человеком, а записную книгу свою, оставил возле колодца лежать. И вот как только ушел юноша от колодца, сбросил старец одежду с себя и прыгнул в воду. Прыгнул, да и утонул. Но в тот самый миг, на том самом месте, где стоял старец до своего рокового прыжка, появилась вдруг маленькая девочка. Она и забрала книгу.

Тик- так, тик- так, тик- так...

Все скоро будет – да не так.

Все скоро будет – да не то.

Ну,... уж кому, чего дано...

Мертвец живой, не оживет,

А мертвый, к мертвым сам уйдет,

На свое место жизни вечной,

По серой полосе беспечной...

Голова Первая, содержательная, но временами не разумная. В ней рассказывается о недугах, происходящих в самых разных, маленьких и больших головах. Некоторые, из носителей этих голов, совсем обыкновенные люди (надевающие поверх головы шляпу), некоторые, пушистые и милые звери, а некоторые головы вообще деревянные, почти мертвые.

Лиза Мышкина сейчас со своей семьей живет в квартире многоэтажного дома. Она часто остается одна, но она не чувствует себя одинокой. Ведь это так глупо, оставаться одинокой, находясь в доме, который разделен на множество жилых

квартир бетоном, совсем не пригодным, для удержания всего того замысловатого, что дано каждому человеку. Поэтому у Лизы очень насыщенная жизнь, как и у всех женщин, за которыми она наблюдает и которые, наблюдают за ней. В общем, жизнь каждого наблюдателя очень насыщенная. Но Лизина жизнь, в особенности. И все потому, что ее фантазия еще более наблюдательная, чем ее фантастическая наблюдательность.

Всем здравствуйте. Я – автор этой повести, повествующей не о чем серьезном, для жизни счастливого человека.

А Лиза – молодая и красивая женщина, с блестящими и яркими, как зернышки кофе, глазами, которые подчеркнуты линией черных, густых ресниц. В ней все ладно. Ее, невероятно длинные и густые волосы пепельно-русого цвета, завивающиеся на концах легкой волной; ее темные брови, игриво приподнятые по краям; родинка, над розовыми губами; ее прямой, чуть заостренный, нос. Румяные, как яблочко, щечки, очень выигрышно, подчеркивают подбородок и скулы ее доброго, милovidного лица. У нее маленькие изящные ушки. Только вот ее ушки...

Лизины ушки сейчас плохо слышат. Это произошло не так давно, всего-то два года тому назад. Лиза попала под машину, но все обошлось, кроме того, что уши вдруг перестали слышать. Сначала Лиза смеялась над этим, потом ей не хотелось жить, а потом добрый и умный человек, сделал для нее волшебное устройство, пообещав при этом, что

слух обязательно вернется к ней. С тех пор, как Лиза вставила в уши устройство, в ее жизнь вновь ворвались привычные звуки. Эти звуки были необходимы к прослушиванию, но они не всегда были радостными вестями для Лизы, хотя некоторые из них, очень громко и ярко звучали. Когда звуки переполняли ушную раковину, Лиза вынимала устройство из уха и слушала другой мир. Мир, который порой ей казался, куда более привлекательным и интересным, мира привычного. Этот мир для нее, был более ясен, потому как, это был только ее мир и ничей больше. Он был похож, на огромный клубок серой пряжи, напоминающий по своему виду, огромную, серую планету. Хвостик этой пряжи, выбивался из клубка и был связан невидимым узелком с центром вселенной, как ребенок связан пуповиной к своей матери. Разматывая клубок от начала до конца, Лиза думала и представляла разных живых существ, т.е. птиц, кошек, слонов, рыб, жуков, серыми и с человеческими глазами. К слову сказать, Лиза всегда замечала в людях сходство с каким-нибудь животным. Например, в квартире на первом этаже живет семья серых сурикатов в очках; в хлебном магазине работает серая, пушистая, очень красивая лиса; в соседнем доме живет добрая бабушка – серая черепаха и добрый дедушка -серый слон. Про свой серый мир, Лиза очень мало кому рассказывала, потому что желающих слушать об этом не было. У Лизиней серой планеты даже название было свое. Серье – так она ее называла, с акцентом на французский язык.

А еще, Лиза не верила в случайности и потому, могла снять устройство с уха не только дома, но и на улице, например, на прогулке в парке, или при походе в магазин за продуктами. Лиза безумно любила серую дождливую погоду. Все потому, что иногда после дождя на небе появлялась радуга. Она любила смотреть на быстро таящую радугу, стараясь успеть почувствовать себя маленькой девочкой. Всех людей, находящихся под этим радужным мостом, она также видела маленькими детьми. Это было невероятно чувственно и свежо. Часто Лиза смотрела на радугу, куда чаще других людей. Из всех цветов в радуге, Лиза любила цвет радуги в целом, и именно поэтому, самым радужным цветом для нее, был серый цвет. Именно серый цвет включал в себя смешение всех цветов радуги, поэтому он был для нее самым насыщенным и самым ярким, самым добрым и нежным, как все живое на планете, в том числе и даже человек. Вот так Лиза и жила, радуясь дождливой погоде, снимая и надевая устройство со своего уха, перекатываясь Ежовым... нет, Ёжкиным, точнее Яговым, то есть, Йоговым, ну, каким придется по настроению, клубочком, из одного мира в мир другой.

Она старалась не путать ниточки и узелки событий, происходящих в разных мирах, и ей это почти удавалось. Лишь изредка эти переплетения, своей путаницей, доводили ее до состояния, полного отключения сознания, до толстокожести всех покровов внутри и снаружи, до, строго вымеренной, арифметики сердечного ритма. Тогда Лиза уходила от всех

миров вообще и начинала делать бездумные дела, которые она называла рефлексамии. Главными Лизиними рефлексамии были – поедание темного шоколада, шелушение семян подсолнечника и уборка помещения, в котором она жила со своим горячо любимым супругом, и не менее горячо любимым, сынишкой.

Так автору, стоило бы начать рассказ о Лизе Мышкиной, чтобы оправдать эту странную личность. Но, это не так. К счастью, Лизины уши прекрасно слышат, даже лучше, чем уши волчьей бабушки. Никакого особенного устройства у Лизы нет, под машину она не попадала и вообще, Лиза совсем другая. Поэтому в этом рассказе – автор, почти личность, а мыши, не такие уж серые. Лиза Мышкина, вполне себе обыкновенная, взрослая женщина, жительница земноводной планеты.

– Ах, Елизавета Павловна, вы лежите на кровати, а в ваших волосах, тьма тьмуца серых мышей. Их так много, что они не только в ваших волосах, они везде – на стенах, на потолке и даже на полу вашей спальни. Ой, ... я, кажется, раздавил десятка два...

– Мыши всю жизнь преследуют меня и даже летучие селятся под крышей моего дома, любого дома, даже того, где я временно обитаю. Это похоже на миф, но это правда. Сейчас мы живем в квартире и оттого у летучих мышек, появилась большая проблема с выбором места для продолжительного дневного сна. Но они нашли себе какое-то убежище в старой

постройке, рядом с нашим многоквартирным домом. Когда я выхожу на улицу в вечернее время – они сразу тут, как тут. Нате вам доброго вечера. Соседи, конечно, тоже их заметили и даже удивленно писали комментарии на страницах социальных сетей о том, что какое-то странное мышинное явление происходит в небе, возле многоэтажки. Ах! Я привыкла к ним. Радует хотя бы то, что вирусом мои мышки не болеют. Раньше со мной жила моя любимая Маруся, и она, решала эти вопросы быстро. Она была серая, с отливами серебристого цвета, похожая на рыбу сельдь. Я так люблю селедку под ярко-розовой шубкой. Ууу, ням, ням. А вы?

– Да, я раз описывал свойства рыбьих шуб, по правде, шубы их были серого цвета. Ну, в общем да.

– Шубка была серой, из каких же ингредиентов она состояла? Странно.

– Я не потрошил ее, просто писал. Ну, ведь селедка серого цвета? Какая же у нее шубка должна быть? По-моему, ничего странного.

– Ну как сказать, как сказать. И все-таки вы странный. А впрочем, вы совершенно правы. Ну, так вот, про кошку... Маруся – это лучшая кошка в мире, но для меня она была человеком. Живя с ней, я не знала в жизни никаких проблем, потому что все решала она. Она царапала меня, когда я, теряя контроль над своими нервами, поднимала голос на своего ребенка; она лечила меня, своим шерстяным теплом и мурлыканьем, когда я болела; она избавляла меня

от мышей, даже в моем сне и даже летучих на лету ловила. Маруся один раз родила троих котят. Тоже всех серых и всех рыб, т.е. кошек. Она воспитывала их сама, строго воспитывала. А я приручала их своими теплыми поглаживаниями, получая за такое лишнее баловство, порции ее царапок. Однажды, к нам приехали родственники. Было решено пожарить шашлыка к вечеру ближе. Для такого блюда, я достала мясо из морозилки и положила его на стол, оттаивать ото льда. Но, как водится с гостями, все забыли про это мясо, и ушли в гости к другим нашим родственникам. Идя по дороге, вдруг все разом вспомнили про шашлык и про то, что мясо то со стола не убрали.

«Там полный дом кошек! – воскликнул мой брат. – И они, наверняка, даже не жаря, съедят мясо»!

Я всех успокоила, сказав о том, что дома Маруся, а это значит, что никто ничего не возьмет.

«Ну, конечно! – сказали родственники хором. – Маруся твоя, первая и съест все мясо! Вот увидишь, сейчас домой вернемся, а кошки уже все съели»!

Я промолчала боле. Что спорить о пустом? Главное, Маруся дома, а мне то, что тогда прыгать? По возвращению домой часов так через пять, все были очень удивлены. Мясо лежало на столе и так разморозилось, что вода с кровью стекла со стола на пол, образовав красную лужу. Рядом с лужей спокойно сидела Маруся, в окружении всех остальных кошек, при чем, даже соседских, забравшихся в дом, через откры-

тое окно, про которое, уходя в гости, мы также забыли, как и про мясо для шашлыка. Как только Маруся, взглянула мне в глаза, поняв, что я – непутная хозяйка, помню про мясо, она тут же убежала от кровавой лужи по своим кошачьим делам. Мои родственники были в шоке от такого Марусино-го интеллекта. Кошки тоже были в шоке, что им не удалось полакомиться. Но... это Маруся, и она выше, житейских потребностей. Я, конечно, не удивлена была всей этой ситуацией, потому что Марусе, я доверяла больше, чем себе. Ее не раз воровали у меня, но она освобождалась от оков и возвращалась. Но однажды она ушла сама. Я сделала ошибку, которую долго не могла себе простить. Да по сей день не могу простить...

К нам прибился котенок, кошечка, темного, серого цвета. Я пожалела ее и взяла домой. Я назвала ее Розой, потому что в прожилках серого окраса, у нее проступал, розоватого цвета, пушок. Роза росла и становилась с каждым днем все вреднее. Она считала себя самой лучшей и красивой. Может потому, что ее называли Розой? Она всегда пыталась занять место Маруси на моих руках. Но темно-серая Роза боялась, серебристую Марусю. Она прижималась к полу от одного ее взгляда, хотя Маруся почти всегда уступала ей. Потом Роза стала пробираться поближе к моей кровати, на которой со мной всегда спала Маруся. Я видела ехидство Розы, ведь Маруся со мной спала, потому что оберегала мой сон, Роза же, медленно залазила на кровать, как змея, толь-

ко для того, чтобы выгнать Марусю. Но Маруся вновь уступала и уходила на другой край кровати, ближе к моим ногам. Тогда, я еще не так разбиралась в серых тонах кошачьей шерстки и не понимала, что Роза – кошка не для меня, нужно было просто отдать ее соседке, которая не раз проявляла к ней свою благосклонность и ласку. Маруся знала, что Роза вредная предательница и могла решить этот момент за меня, но она давала мне право выбора и терпеливо ждала.

Как-то случилось, они обе сидели рядом со мной на полу в гостиной. Маруся сидела спокойно, а Роза все вертелась, извивалась змейкой возле моих ног. Маруся встала и хотела выйти, видимо ей неприятно было смотреть, как я ругаю Розу за ее когти, которые она откровенно больно втыкает мне в ноги, но при этом продолжаю терпеть Розины выходки. Как только Маруся приподнялась, Роза вдруг резко развернулась к ней и своей лапой с когтями, ударила Марусю по лицу. Маруся не ответила ей даже взглядом, она лишь посмотрела в мои глаза, как бы прощаясь со мной, и вышла. У меня внутри вдруг появилось какое-то беспокойство, я почти сразу выбежала вслед за ней, но её и след простыл. Я долго бегала и искала ее вокруг дома, спрашивала у соседей. Но она, как будто вверх улетела. Я долго ее ждала, я плакала, не могла привыкнуть жить без нее. Я бы не то что, вознаграждение за нее дала бы, я готова была отдать все вещи, которые находились в моем доме, вместе с домом, лишь бы мне вернули ее. Но Маруся больше не пришла. Даже сейчас, спустя

не один год, вспоминая любимую Марусю, я плачу. А Роза, так и перебежала жить к соседке, за то, что та, прикормила ее сладким печеньем.

Марусины дети, кошки, которых она родила, еще долго жили со мной. Они разбаловались, и доставляли мне, немало хлопот. Они все были разных оттенков серого цвета, но не одна из них не была Марусей. Марусю, или хотя бы похожих на нее кошек, я больше не встречала. Вот такая история. Сейчас кошки у меня нет. Зато мышей, тьма. И все они, серые. А вообще, такой вопрос появился. Это я сейчас с кем разговариваю?

– Простите, Елизавета Павловна, я забыл представиться. Я – автор. Меня прислали к вам, по вашему, почтовому запросу.

– Автор? Ясно. Да я действительно просила прислать мне автора, который бы смог записать правильно все то, что мне хотелось бы услышать со страниц книги, прочитанной вслух незнакомым голосом, а не голосом мыслительного процесса в моей голове, так похожим на безумие, так надоедливо жужжащим. Так что осталось только выяснить, подходите ли вы мне. Для начала, перехожу с вами на ты, чего и тебе желаю, хотя и не настаиваю. Сейчас ты слушал историю обо мне и двух моих главных в жизни кошках. Одна из них должна быть со мной по сей день, другой никогда возле меня быть не должно было. Напиши и прочитай эту историю. Она должна звучать коротко и ясно, твоим голосом.

– Ну что ж, Елизавета Павловна, слушайте. Это душераздирающая история о том, как Лиза и Маруся однажды плыли в лодке по кровавому озеру, вдвоем. Маруся легко обходила препятствия озерной стихии, но Лиза увидела прекрасный розовый цветок на берегу и настояла на том, чтобы лодка причалила. Лиза хотела сорвать розу, она не видела ее ядовитых шипов. Маруся сразу поняла, что цветок ядовит, она оттолкнула своей лапкой руку Лизы от цветка, но поранилась сама. Маруся то час же умерла, а Лиза продолжала плыть в лодке одна и без кошки. Лодка прибилась к берегу, на котором обитали мыши. Они полностью овладели Лизой.

– Да уж. Какая лодка?

– Лодка жизни. Неужели не поняли, Елизавета Павловна?

– Ну, хорошо. Пусть будет, как будет, чего уж тут. Автор, какой у тебя приятный голос и этот чистый запах. Как же хорошо пахнут эти свежие письма и газеты.

– Да, спасибо. Правда, голос автору не особо нужен. Я же буду просто писать тексты. А газеты? Да, это вам передали. Я не смотрел, что там еще.

– Ну, про голос автора решать буду я, а не ты. Посмотрим, что еще нагрузили в сумку эти мудрецы. Газеты, журналы, письма. Среди них имеются даже телеграммы? Ух, сколько их! Полный восторг! Телеграммы, как афоризмы. А это что такое? Надо же, маленькие фигурки шахмат и доска в клетку. Нужно будет сыграть шахматами в шашки. Вы зачем мне опять новые шахматы заказали в сумку? Слышите? Я вас

спрашиваю!?

– Знаешь Лиза, знаешь Лиизааа, жизнь не пи-пи-простая штука. Она подобна игре в шах-шахматы, да шахматы.

– Так стоп. Давайте нормально говорите. Все думают, а говорит один или одна. А то вы, перебивая друг друга, пищите и шипите, и вообще не понятно получается. Я то, пойму, конечно, но нам прислали автора. Ему все это записывать, так что давайте по-человечески, нормально.

– Лиза, сыграй в шахматы. Жизнь подобна игре в шахматы. В этой игре есть свои правила для хода фигур, но вариаций шахмат много. В нашей шахматной игре фигуры ходят только по квадратам, которые четко размечены на игровом поле. Игрок обязательно должен знать правила и конфигурации для фигур, он должен четко следовать намеченному плану, потому как один его ход, может решить итог всей игры. Ходы, должны быть продуманными, они не должны быть случайными. За все время игры, игрок тысячу раз выстраивает фигуры по доске, проигрывая варианты в своей голове. Игрок находится в постоянном напряжении, он здесь и сейчас вершит игру и на секунду не может отвлечься от нее, а иначе он может получить неожиданный удар, который может стать для него завершающим. Игрок должен постоянно следить не только за своей игрой, но и за игрой соперника, которого выбирает сама жизнь, и который может быть значительно умнее. Но соперник также имеет право на ошибку. За всю свою сознательную жизнь, человек миллионы раз иг-

рает в шахматы. Он завершает один бой и начинает следующий. Правила в игре почти не меняются. Поля игры похожи друг на друга, все они четко размечены, а секундомер все также отсчитывает мгновения. Главным правилом игры остается соблюдение всех правил игры, которые меняются в разных обстоятельствах.

– Ой, как скучно с вами. Тоска. У меня будет своя, новая игра.

– Каждая новая игра отличается от прежней, прежде всего потому, что меняются соперники и мысли в их головах. Меняются поставленные задачи, и игрок уже не всегда готов потерять коня, ради королевы. Игрок приобретает навык, он становится опытным стратегом. В его игре все меньше случайных ходов, созданный им алгоритм анализирует каждый ответный ход, более того, каждые десять ответных ходов. Но игра со временем начинает выматывать, она кажется бесконечным и скучным шарканьем фигур по доске. Для некоторых, она становится невыносимой, они проигрывают сопернику каждый свой бой, совершая случайные ходы, не думая. Все потому, что они устали. Они ждут партию Армагеддон, в которой им достаются белые или черные фигуры. Им все равно, потому как они уже настроены на проигрыш. Проиграв, они получают свой бублик и бредут, сами не знают куда, с ужасом понимая, что теперь они не ходят, так как хочется им. Теперь они часть пешки в чужих руках, но поле не изменилось, оно все также в размеченных квад-

ратах. Другие игроки восхищаются своей выносливостью. Игра их жизни сильная, она продумана до мелочей. Эти игроки становятся победителями блица. Счастливики не станут бездумно и однообразно бродить по игровому полю в квадратах. Они не станут, частью какой-то там, пешки! Они станут частью короля! Короля, твердо стоящего на этом поле! Короля, контролирующего все квадраты поля! Короля, фундаментального, почти неподвижного.

– Вы можете замолчать? Как же вы меня тревожите. Какая разница, королем или пешкой, стать навечно прикованной, к шахматной доске? Пешкой даже лучше, у нее есть шанс больше двигаться. Куда девался автор?

– Он уснул. Лиза, некоторые пешки могут быть быстро разменяны, ты можешь оказаться в числе тех, кто вылетит. А король в эндшпиле становится активной фигурой, он много чего может. По правде сказать, он вполне может защитить понравившуюся ему пешечку, особенно если та, поможет ему в игре.

– Эндшпиль. Какое странное слово. Немецкое?

– Естественно.

– Ну, я так и поняла. Что означает?

– Заключительная игра.

– Да? А откуда вы это знаете?

– Читали вчера в газете.

– Да? А я не помню этого.

– Да ты почти ничего не помнишь. Но это не важно, глав-

ное, что это помним мы. Все равно уже не спишь, вставай пить кофе.

– Нет, я не выпалась.

– Лиза, ты рассуждаешь, как уставший игрок.

– Удивительно? Да, ведь вы который мой сон превращаете, то в шахматную игру, то в чайную церемонию, то в ремесленную работу. Поймите уже, я хочу просто жить, просто есть, просто спать.

– Да ладно, Лиза, ты сходишь с ума?

– Нет, мне не интересно это все знать и об этом думать, тем более вы точно все перепутали с шахматной игрой. Вы не знаете терминов и правил, потому что не умеете играть. Почему вы всегда пытаетесь выглядеть умнее, чем вы есть на самом деле? Меня это ужасно бесит, и поэтому, идите-ка вы, на унитаз.

– Конечно, куда еще нас послать? Только вот мы то, откуда выберемся и прямо со всем содержимым природным материалом, примкнем к тебе. И да, Лиза, мы наверняка что-то перепутали в шахматной игре, потому что не умеем в нее играть. Но наша ль в том вина, Лиза? Жизнь, Лизонька, это набор моментов в игре, одни из которых, пытаешься растянуть во времени до бесконечности, а другие сократить, до невозможности попадания в них. Чем больше длинных и растянувшихся моментов, тем игра спокойнее, но жизнь оттого томительнее. Чем моменты короче, тем жизнь суетливее, а игра веселее. Скучно ты живешь, Лизка, но может, ты ви-

дишь в этом свое счастье? Многие люди считают, что счастливая жизнь, это спокойная жизнь в тихой гавани. Некоторые напротив, стремятся сменять картинки жизни со скоростью света. Ты к каким людям себя относишь?

– Не к тем и не к другим. Вы не дали мне отдохнуть, поэтому сейчас я вообще не считаю себя полноценным человеком. Отстаньте!

– Правильно, Лиза. И то, и то называется счастьем. Потому что счастье, это сия часть. Как прекрасная часть женщины. Лиза, какая часть женщины самая прекрасная?

– Отстаньте! Разбудите автора, поговорите с ним. Вы рассуждаете – он пишет. А я еще чуток посплю.

– Правильно, Лиза, рука. Береги руки в чистоте, Лизонька, не давай, кому попало, касаться их. Женская, прихорошенькая головка, всегда должна знать чего касаются ее ручки, это ее главная задача.

– Конечно, а как же женщине выполнять работу по дому, по хозяйству, как ей кушать?

– Женщине, руки даны для того, чтоб позволять их целовать. А вскормлена, она должна быть, руками мужчины.

– Пусть тогда мужики все делают, а мы, будем только думать о том, как бы не коснуться дерьма.

– Да, это и есть женская сверхзадача.

– Мам, я покакал!

– Иду, сын. А как же женщинам мыть попу своего ребенка, который только что сходил в туалет и запачкал ее какуль-

кой? Или это тоже мужик должен делать?

– Не то, Лиза, ты дерьмом, называешь. Неужто ты и впрямь считаешь, что человеческие фекалии и дерьмо, это одинаковые понятия? Мы надеялись на то, что ты выше этого. Ты заблуждаешься, Лиза.

– Нет, я вас поняла, я поняла, о чем вы толкуете. Правильно рассуждаете, мужик должен вскармливать женщину и заботится о ней, даже если ему приходится сдирать с кого-то кожу, даже если придется жертвовать своей, даже если и та и другая окажутся дерматинном, он все равно, обязан остаться мужиком. Потому что настоящий мужик – это не кожаный мешок. Мужчине дана сила духа и ума, которому подчиняется тело, даже если это тело – кожаный мешок.

– Да, Лизонька, правильно ты понимаешь. Забота о любимой женщине, это великое счастье и по иному, не получится быть счастливым. Любимая женщина, становясь частью своего мужчины, способна осчастливить его, а отсутствие такой, делает мужчину несчастным. Счастье, это возможность стать частью, быть здесь, быть сопричастным моменту, стать этим моментом. Поэтому люди часто посещают события, которые они считают радостными по своему эмоциональному наполнению. Они желают стать частью этого события, чтобы наполнить свою жизнь радостью. И напротив, люди неохотно становятся сопричастными к плохим событиям, они стараются этого по возможности избегать. В наше время очень мало осталось тех, кто умеет правильно реагировать, в том

или ином жизненном моменте, на происходящее событие, потому что люди сейчас больше подвержены рамкам мышления, выходящего за рамки мышления, простого обывателя. Такие, замкнутые в пространство, развернутые мышления, ограничивают телесные действия, из-за отсутствия достаточной силы духа. Мысли без действий опасны, как и действия, без мыслей. Но при всех нормах духовной силы в сегодняшнем времени, в рамках мирового мышления и действия, люди до сих пор, не могут дать точный ответ на простой вопрос.

– На какой? Что такое хорошо, а что такое плохо? Зайцы мои, быстро за стол. Завтрак готов!

– Мам, я не буду кашу. А «Бепешка» есть? Можно мне ее заварить?

– Нельзя. Не хочешь кашу? Я оладушки тебе пожарила. Оладушки есть будешь?

– Да! И сделай мне какао, пожалуйста.

– Хорошо, всяко лучше, чем «беперик». А ты тоже кашу не будешь?

– Конечно, нет. А шей вчерашних не осталось?

– Ты с утра будешь есть щи?

– Да. Я на обед сегодня не приеду, поэтому мне погрей щи. С кислой капустой, со свиникой, со сметанкой – вкуснятина. Давай грей.

– Кадры, блин. С утра щи с кислой капустой и мясом.

– Я люблю мясо.

– А я не ем свиношек и коровок, и курочек тоже, да, мам?

– Да. Один ест только мясо, другой только не мясо.

– Лиза, что для нашего хорошо, для иного – смерть. Люди боятся не угадать с размышлениями и действиями и пошатнуть тихую обитель собственной души, невольно стать судьей или осужденным. Люди стараются пройти мимо, подавляя в себе процесс размышления, сужая рамку визира до песчинки, попавшей в глаз невольного наблюдателя, не замечая картины, так неприятной суетливому глазу. Момент счастья, в котором хотели бы оказаться одни, не приемлем для других, ведь каждому своё. Момент беды, также как и момент счастья, трактуется разными людьми по своему усмотрению. Рождается, невообразимый по масштабам, хаос, называемый свободой. Это похоже, на игру без правил. Это похоже, на движение машин без указателей, на перекрестке тысячи дорог. Если честно тебе сказать, Лиза, все проще намного. Просто всем надо делать так, как хорошо, а как плохо, делать не надо.

– Вы как всегда безуспешно делаете выводы, потому как я не знаю, что для меня хорошо, а что плохо. И уж тем более, не могу знать, как все эти мои предпочтения впишутся в общую ценность людской нравственности. Что должно быть включено в норму жизни человека, а что должно быть исключением из правил. Но одно я знаю точно, норма, это просто мода и она управляет обществом, подобно свету дня и ночи. Когда-то люди носили на голове тяжелейшие пари-

ки и считали это нормой. А для многих сегодня, такой наряд на голове, вызвал бы нескончаемые эмоции подписчиков на канале. И эмоции там были бы разными, и хорошими и плохими. Ты можешь хотя бы позавтракать, без своих бомжей?

– Ну, смешно же.

– Смешно? Эти люди несчастные. А вам смешно? Люди сходят с ума.

– А чего плохого-то в этом? Они не несчастные. Они хотят так жить и живут так.

– Как не надоело это смотреть. Поешь спокойно. Вот интересно есть видео в интернете, где на мужчине надет парик, как в былые времена, и он в таком парике по улице ходит?

– Что?

– Ничего, просто интересно, сколько эмоций вызвал бы у людей такой его вид.

– Вот уж не знаю. Я такое не смотрю.

– Лизонька, эмоций бы не было. Людям примелькалось уже все. Разве, что только этот бы парик, на чьей-то голове, кто-то бы поджег. Вот тогда, это бы вызвало эмоции. Людям нравится смотреть веселые сюжеты и плакать, нравится смеяться, когда люди падают или ударяются обо что-то твердое. Поэтому когда влюбленные целуются, все плачут, а когда они, поскользнувшись, падают, все искренне смеются. И о том и о другом они говорят, что это мило. Происходят у людей реакции разные – слезы счастья и истерический

смех.

– Я считаю, что своевременные мысли, рождающие своевременные действия, все-таки должны опираться на что-то ментальное. Например, хотя бы, на того вросшего фундаментального короля, в шахматной игре, или на исхоженные тропы пешек. Вообще опыт, необыкновенно увеличивает скорость прогресса. Но, исходя из правил сегодняшней моды, опыт, своей устаревшей истиной, тормозит прогресс. Ведь сегодня, как говорят? Чем дурнее, тем моднее.

– Ты бы, Лиза, посмотрела на тех, кто это говорит.

– Ну, кто? Люди. Слазил, говорят, чёрт в воду и достал оттуда моду.

– Тогда, люди ли? Ты знаешь, Лизонька, если процесс идет дальше, это лучше, нежели он останавливается.

– Что за бред? А если, этот процесс необратимо разрушающий для общества?

– Мода разрушающий процесс? Ну что ты, Лиза, нет в этой моде точки невозврата. Все модное сегодня, хорошо забытое вчера. Но важно не прекращать движения. В движении, в потоке суеты возрастает возможность приобрести того, кто решит изменить направление и то, что сегодня кажется модным, станет скверным и некрасивым завтра. Потому что, живут еще на земле молчаливые и скромные клетки, знающие точно, что такое хорошо, а что такое плохо. Эти люди, в которых живы эти клетки, знают разницу, в чертовски хороша и в божественна прекрасна. Люди эти, помнят,

что любая мистика – это ложь и самообман, даже если она модная.

– Но что, для этих людей, правда?

– Жизнь, со всеми ее физическими, химическими, энергетическими, ну, короче говоря, со всеми ее процессами, со всеми ее радостями и невзгодами. Хотя, честно сказать, в жизни всякое бывает, чего и допускать нельзя в уме.

– Согласна.

– Ну, например, как тяжело терять близких людей. Даже стать потерянным человеком, не так страшно, как потерять.

– Стоп. Я же согласилась, что некоторое всякое нельзя допускать до ума. Да и неизвестно, кому тяжелее при расставании, без надежды на встречу, особенно когда, для завершения гештальта не подходит ни одна практика.

– Гештальт? Что за слово? Немецкое?

– Ну а как же?

– Что означает?

– Ту самую фигуру, больше не являющуюся целостной.

– Ужас. Поломанную что ли?

– В какой-то степени, да.

– Так мы не об этом. Несмотря, на недопустимые потери, все стараются спасти свою фигуру, ну или шкуру, ну или кожаный мешок, и план спасения у каждого свой. И тот план, что является спасительным для тебя, может оказаться губительным для другого человека. Это закон жизни. Он был всегда и всегда таковым будет. Помни, люди так похожи, но они

такие разные.

– Понятное дело. Кто-то фигура, кто-то шкура, кто-то кожаный мешок, а кто-то гештальт или живой мертвец.

Голова, вторая, нежная и пестрая, как рисунок, на бабушкином платочке. Голова, обыкновенная, как солнечный желток, вареного, куриного яйца. Голова, липкая и сладкая, как сгущенное молоко, в круглой, железной банке; как шарик сливочного мороженого. Голова, с запахом травяного чая, заваренного родниковой водой – той самой жидкостью, в которой обитают лягушки. Голова, потерявшая счет времени, слабо думающая, но душевно содержательная голова, рассказывающая об искренних чувствах человека, попадающего под влияние, хаотичных движений, неутомных его рук.

Лиза Мышкина проводила мужа на работу и вновь прошла на кухню. Налила себе в чашку сублимированного зелья. Выпив его неохотно, взяла чистый лист бумаги, присев с ним за обеденный стол. Рядом, за окном пасмурное утро, снег легонько падает на мартовские пейзажи, укрывая их холодным одеялом. Лист лежит на столе точно, как это белое одеяло из снега.

– Ах, как-бы хотелось нарисовать пейзаж, который бы можно было продать за хорошие деньги. Но кому сейчас нужны картины? В этом мире, достаточно искусственной красоты. Никто не купит картину, выполненную дешевыми красками, на захудалом листке. Даже если удастся перене-

сти это утро из окна, на лист бумаги и вдохнуть в него силу притяжения тысячи глаз. Даже если эта картина будет выглядеть, как шедевр известного художника двухсотлетнего возраста. Шедевр посмотрят, в лучшем случае оценят смайликом, в худшем напишут в комментариях умными словами свои размышления о том, как делать бы не надо или как надо – но не купят. Не купят и даже не подумают ни разу выложить свои кровно заработанные денежки, так как устали уже зрить красоту, в мире социальных сетей.

– Да! Но кто-то продает и кто-то покупает. Пусть не за сто миллионов и даже не за миллион. Пусть хотя бы по цене красок или холстов с интернет магазина.

– Но по цене красок или холстов – я бы не продала. Неужели для этого я училась основным законам культурной деятельности, чтобы вот так продавать своё творчество, за копейки? Лучше отдала бы за улыбку свое вдохновенье на листе, раз это по-настоящему кого-то бы тронуло до глубины чувств, приятных сердцу. Так тронуло, что сказали бы: «Понравилась ваша картина невероятно! Хочу её – не могу! Не могу, потому что не имею даже малой той суммы, которая указана вами. Хотя эта сумма, конечно, несправедливо занижена».

Наши финансы, честно сказать, от такого моего подарка кому-то восхищенному не пострадали бы. Но как сделать так, чтоб улучшились? Как это сделать? Именно об этом сейчас думает большая часть честных бедных людей, обладаю-

щих некоторыми знаниями и умениями, но не имеющих капитала. Уменья есть – да нету денег, а значит, нет и сил. Потому как в современном мире вся сила заключена в денежный оборот, который запустить без денег не возможно. Вот такой парадокс. Была, говорят, сила, пока мать носила. Почему так говорят? Кто узнавал о силе младенца, во чреве матери? Некоторые поговорки, уверенно вошедшие в наш разговор, уже утратили истинное значение. Остались просто приклеенными к нашему языку. И вот болтается этот язык в красноречии своем, тем самым искажая действительность и наводя на глупые размышления. Вот как будто подумать больше не о чем! А о чем думать еще, как не о силе ума? О силе притяжения денег...

– Батюшки мои, Лиза, ты нас удивляешь. Как давно тебя стали интересовать деньги? Тема серьезная, только не женская какая-то. И зачем эта тема засела в твоей голове? Воз этот тащить за мужика, падая и вставая?

– И правда, нет уж, извольте, я занимаю свое место в жизненной оказии, место любимой жены и матери. И точка...

– Я поставил многоточие.

– А когда в моей жизни, оставалось бы свободное время от дел, я бы с удовольствием рисовала картины. Кто-то смысленный продавал бы их. Есть такие сайты, конечно, за деньги продадут всё, чего люди и покупать не хотят. Но там гарантий ноль. Не картины не найдешь, не денег не получишь. Зато регистрация, как при полете на луну или

сдачи ЕГЭ. Но уж лучше остаться в неизвестности, чем с известностью, что кто-то на тебе заработал кучу денег, которые ты не получишь, потому что ты просто лох, которого развели предприимчивые гении разводиться всех и вся, мира сего.

– Да ты что? Ты же так именно и живешь уже много лет. Разве это имеет для тебя значение?

– Не имеет. Но вдруг и правда, получился бы шедевр. Плохо, когда шедевр есть, а радости от него нет.

– Еще хуже, когда бестолковая радость мешает творить шедевры. Тогда это напоминает одну карту из колоды Таро, она называется дурак, или умалишенный.

– Послушайте, вы! Во-первых, радость не может быть бестолковой. Во-вторых, дурак, из колоды Таро, трактуется несколько иначе. На мой взгляд, его значение схоже со значением слова счастливчик. А в-третьих, мыслитель не сильно далеко ушел от умалишенного. Умалишенный оправдан обществом, как человек какой-то больной, также и мыслитель, не достигающий цели взятия контроля над мыслями, награжден обществом тем же званием. Наверное, наивысшей точкой мыслительного процесса, является окончание этого мыслительного процесса; а наивысшей стадией ума – его отсутствие. Ведь знания не только сила. Знания, прежде всего наши грехи. Вот не знала бы я скверных матерных слов, я бы их и не использовала в разговоре, и не грешила бы. Не знала бы я вкуса мяса, мне бы и в голову не пришло съесть какое-то живое существо, называя его мясом. Наверное, имен-

но поэтому обольстителю угощал Еву яблоком с дерева знаний, чтоб сорвать с глаз розовые очки, снять защиту от тревог и бед.

– А ведь ум и знания понятия разные, Лиза.

– Да ладно, и то, и то занозой сидит в людях. Люди уже так много знают и умеют, что вовсе спать не могут. Меньше знаешь, лучше спишь... как верно сказано. А еще, если много будешь знать, то скоро состаришься. Кстати, я часто встречаю в своей жизни детей, с взглядом мудреца и стариков, с взглядом наивного, радостного, и совсем еще глупого ребенка. Такое ощущение, что в ребенке я вижу взгляд мудрой души, которая все знания прошлые еще помнит, а в старике – душа уже намученная земными хлопотами, но готовая к новому шагу, оттого, она вновь молода и наивна.

– Дурочка ты, Лиза.

– Да? Наверное, вы правы. Так вот, если бы кто-то свой, занялся продажами этих картин, надежный человек, кто не обманет меня и не предаст, я бы честно делила с этим человеком всю прибыль от продаж. Но кому это надо, заниматься делом, которое обречено на провал и которое съест уйму времени и нервов. Нервные клетки, как известно, не восстанавливаются, а время вообще сейчас бесценно, потому как нет в сутках двадцать четыре часа, и это моё твердое убеждение, которое я могу легко доказать.

– Как? Докажи.

– Раньше бывало, считали в школе на уроке физкультуры

вместо секундомера до десяти, и естественно уже выznали, с какой паузой счет вести – чтоб попадать секунда в секунду. Так вот, а сейчас – не попадаю. Досчитаю только до шести, а на секундомере уже десять показывает. Скажете: «Бред всё это, просто ты че-то неправильно считаешь». Я не соглашусь, потому что у меня чувство ритма с точностью до секунд выработано. Я любой ритм запоминаю и без труда его могу повторить. А, вот стихи не помню. Даже те, что пишу собственноручно и собственно эмоционально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.